

Елена Виг

Сказки на нощ

Сборник новелл

Елена Виг
Сказки на ночь.
Сборник новелл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45568284
ISBN 9785005052278

Аннотация

Почему мы порой так скептически, читая истории со счастливым концом? Может быть потому, что погрязли в своих ежедневных проблемах и не замечаем, что жизнь полна радости и любви, надо только не побояться разглядеть ее в чередке серых будней, как это сделали герои этой книги?

Содержание

От автора	5
Дачники	7
1	7
2	11
3	14
4	21
5	25
6	30
7	33
8	40
9	47
10	52
11	56
12	60
13	64
14	68
15	73
16	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Сказки на ночь

Сборник новелл

Елена Виг

Посвящается моим родителям – маме, которая была самым первым и заинтересованным читателем моих книг, и папе, который не успел их увидеть, но который всегда в меня верил.

© Елена Виг, 2019

ISBN 978-5-0050-5227-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Читатели нередко упрекают меня в том, что во всех моих повестях счастливый конец. Мне говорят, что в жизни так не бывает, что в ней обычно мало радости, а только работа ради куска хлеба да борьба с неприятностями и проблемами быта. Редкие отпуска и развлечения – не в счет.

Я не знаю, что ответить таким критикам, но всегда вспоминаю притчу, что мнение о том, что стакан либо наполовину полон, либо наполовину пуст – зависит от точки зрения смотрящего.

Когда же я смотрю по сторонам, то постоянно вижу людей, нашедших свое счастье, свою любовь. Я также вижу тех, кто одинок, но не считает себя при этом несчастным, а искренне радуется каждому дню.

Посмотрите на пожилые пары, которые идут, бережно поддерживая друг друга! Разве не очевидно, что, несмотря на возраст, они любят друг друга, и, вполне возможно, что даже глубже и сильнее, чем в молодости?

Если вы хотите увидеть неподдельные, искренние чувства, то наблюдайте за людьми, встречающими своих близких в аэропорту. После этого вы не будете утверждать, что любви не существует.

Мне уже много лет, и я знаю, что жизнь любого человека полна трудностей, горестей, разочарований. Но ведь это

не повод считать, что счастливый конец – выдумка мало талантливых авторов!

Этот сборник новелл посвящен моим родителям. В их жизни тоже было много сложностей и даже бед, их юность пришлась на страшные годы войны, но я точно знаю, что они были очень счастливы, так же, как и многие их друзья. Взаимная любовь и уважение, успешная и интересная работа, удачные дети, возможность помянчить внуков и даже правнуков – вот он, настоящий хеппи-энд!

Каждая из трех истории, рассказанных в этой книге, тоже имеет счастливый конец, к которому герои шли очень непростыми путями. Я рада, что им удалось все преодолеть, и они заслужили свой хеппи-энд. Каждый из нас его заслуживает!

Дачники

1

Алексей шел домой и думал о том, как здорово будет укрыться от этого пронизывающего ветра, несущего то ли снег, то ли град, то ли просто дождь, замерзающий на лету в острую ледяную крупу, неприятно бьющую прямо в лицо. Когда утром он выезжал из дома на своей машине, то не думал, что ему придется возвращаться на автобусе, но машина забарахлила. Он отвез ее в ремонт, ребята не успели ее сделать и попросили оставить до завтра. Одет он был не по погоде, а та, как назло, испортилась, и сейчас он мечтал об одном: оказаться дома, затопить печь, поставить на нее кастрюлю с картошкой, чайник, выпить чего-нибудь горячего, съесть булку с колбасой, которые он только что купил в магазине у автобусной остановки, и лечь спать.

Он уже шел по своему дачному поселку, когда увидел маленькую девочку лет шести, которая выбежала с его улицы с диким ревом. Она мчалась, не разбирая дороги, и кричала то ли «мааама», то ли просто «аааа». Лаял его пес Вулкан, и Алексей подумал, что это собака напугала девочку, но он знал, что Вулкан сидит на короткой цепи, калитка закрыта. Значит, что-то случилось. Он преградил девочке до-

рогу и перехватил ее свободной от сумки рукой.

– Стой, ты что кричишь?

– Мама, мама! – ребенок ничего членораздельного не мог сказать, только пальцем показывал куда-то в сторону его дома и рыдал еще больше.

Алексей бросился бежать туда, куда показывала девочка, а та побежала за ним, хотя ей было не поспеть за взрослым высоким мужчиной. Свернув в свой переулок, Алексей увидел, что на соседнем с ним участке стоит маленькая красная машина, калитка открыта, дверь в дом тоже приоткрыта, и через нее пробивается дым. Пожар? Но огня не было.

Алексей распахнул дверь и шагнул в комнату, наполненную дымом. На полу лежала женщина без сознания. Он подхватил ее и понес к выходу. Все, что происходило дальше, было как во сне: звонок в скорую, объяснение, куда нужно приехать, женщину на руки, ребенка отогнать, чтобы не мешалась, и с этой, на удивление тяжелой для такого изящного существа, ношей обратно в сторону шоссе. Он слышал, как разорялся Вулкан, почувствовавший неладное, и подумал, что хорошо, что пес на привязи, а то бы еще он болтался у него под ногами, мало ему девочки, которая, правда, уже не ревела, а только всхлипывала и пыталась не отстать от него. Со скорой он повстречался метрах в двухстах от шоссе, передал им женщину и объяснил, что случилось.

Надо было ехать в больницу, но что делать с ребенком, который стоял около машины и молча смотрел, как мать гру-

зят в скорую помощь, и размазывал чумазым кулачком слезы по щекам.

– Иди сюда, со мной поедешь, – приказал он девочке.

Та послушно протянула к нему обе руки, Алексей поднял ее и посадил рядом с собой.

– Только давай, без воплей, ладно?

Девочка кивнула.

– Тебя как зовут-то?

– Ника, – голосок еле слышный, расширенных от ужаса глаз не спускает с матери и врачей, которые прилаживают к ее лицу кислородную маску и вводят в вену иголку.

– А я – Леша, – зачем-то сказал Алексей. Такое церемонное знакомство было явно не ко времени, но он просто не знал, что еще сказать.

Доехали быстро – вечер, машин мало – женщину увезли куда-то внутрь больницы, а им велели ждать в приемном покое. Алексей смотрел на девочку, которая нахохлившись, как маленькая птичка, сидела на краешке стула, и думал, что он будет делать, если женщина вдруг умрет.

– Нет, нет, нет, – говорил он себе, – Это невозможно, такая молодая...

Но страх холодной цепкой лапой сжимал его сердце, не давая глубоко вздохнуть. Наконец вышел доктор и направился в их сторону.

– Вы приехали с угоревшей? – спросил он.

Алексей кивнул.

– Откачали, жить будет, – доктор был уставший, глаза красные от недосыпа. – Муж?

– Нет, сосед.

– Ладно, – врач кивнул – Пошли, заполним бумаги.

Девочка оказалась толковой. Сказала, что мать зовут Маша, фамилия Зайцева, сколько лет не знает, что жили в Москве, теперь будут жить здесь. Алексей назвал адрес, оставил номер своего телефона. На него навалилась такая усталость, что он еле дотащил ноги до такси. Едва они отъехали, его телефон зазвонил.

– Ваша больная плачет, про ребенка очень беспокоится, – сказала медсестра.

– Скажите, что с ребенком все в порядке, она со мной, я за ней пригляжу.

Они ехали домой, рядом с ним сидел чужой ребенок, о котором он теперь должен был позаботиться до возвращения матери.

Из такси они вышли не рядом с домом Алексей, а, чуть не доезжая, на углу, около дома его соседки Веры Степановны. Алексей открыл калитку, и они с Никой прошли на крыльцо. Второй раз стучать не пришлось. Вера Степановна открыла сразу и бросилась к Алексею, бормоча «Слава Богу, Слава Богу!».

– Да ты что, Вера Степановна? Что стряслось то? – не понял Алексей.

– Как что стряслось? Я уже думала, что тебя похитили!

– С чего вдруг?

– Вулкан все лаял, никак не переставал, я вышла посмотреть, что случилось, может, в дом кто лезет. Смотрю, калитка закрыта, а сумка твоя с продуктами валяется в кустах. Что я, по-твоему, должна была подумать? Утром собиралась в полицию идти заявлять.

В этот момент она увидела девочку, которая тихо стояла за широкой фигурой Алексея.

– А это кто такая?

– Это Ника, Ника Зайцева. Да ты нас в домпустишь?

– Ой! – Вера Степановна всплеснула руками – входите, что ж это я!

Они разделись, сели за стол под абажур, и Алексей в двух словах рассказал, что случилось этим вечером. Ника молча-

ла, только с интересом оглядывала полутемную комнату.

Вера Степановна слушала и одновременно доставала из буфета сахар, конфеты, печенье, хлеб.

– Ты сумку мою забрала? Там колбаса была.

– Да сумка на кухне стоит, пойди, принеси.

Они стали пить чай с бутербродами, Вера Степановна все подкладывала Нике на тарелку то колбаску, то сыр, то печенье.

– Значит, Никуся, вы с мамой теперь с нами тут жить будете? – осторожно спросила она.

Девочка кивнула.

– А папа? Он тоже будет?

– Нет, папу убили, – сказала девочка и потянулась за еще одним печеньем.

– А папу-то Валерой звали? – спросила Вера Степановна после долгой паузы, во время которой взрослые смотрели друг на друга, потеряв дар речи, а ребенок уплетал печенье и запивал его чаем с молоком.

Ника кивнула. Картина прояснялась. Валеру Зайцева, хозяина соседней с Алексеем дачи убили, по какой-то причине его жена и ребенок переехали сюда жить, видимо, в Москве все потеряв, кроме маленького красного дамского автомобильчика, совершенно не пригодного для местных дорог. Маша к такой дачной жизни совсем не приспособлена. Ее Алексей никогда раньше не видел, хотя Валера с друзьями и девицами иногда сюда наведывался – шашлык, пиво... По-

гудят и уезжают, никогда больше, чем на одну ночь не оставались. Печку топить не умеет, вот и устроила дым коромыслом. Хорошо хоть, что жива осталась.

– Вера Степановна, я тебе Нику оставлю, а то мне завтра в восемь на объекте нужно быть? К маме ее я заеду, проведу, посмотрю, как там дела.

– Конечно, оставляй, я и сама хотела тебе это предложить. Я ее сейчас спать уложу, а ты иди, не волнуйся.

Алексей шел по поселку вслед за собакой, которая, просидев весь день на цепи, теперь наслаждалась свободой и близостью хозяина: то убегала по ночным, улицам, скупо освещенным единственным на весь квартал фонарем, то возвращалась к нему и, подпрыгивая, пыталась поймать его взгляд. Но хозяину было не до Вулкана. Он шагал, глядя под ноги, и пытался представить, какая беда могла привести вдову с ребенком-дошкольником в это богом забытое место в конце октября и заставить жить в доме, совершенно не пригодном для зимы. У Зайцевых был стандартный щитовой домик, построенный еще в середине 70-х, практически не утепленный. Печка в нем была больше для красоты и понтов, чем для обогрева.

– Ладно, разберемся, когда она выйдет из больницы – подумал он и, свистнув псу, решительно повернул в сторону дома.

На следующий день Алексей смог вырваться в больницу только к обеду, но оказалось, что в это время к больным не пускают. Тогда он попросил передать Маше фрукты и записку, в которой он написал, что Ника в порядке, оставил номер своего телефона и попросил сообщить ему, когда ее будут выписывать.

Маша смотрела на записку от какого-то Алексея, которую передали с сумкой фруктов, печенья и йогуртов. Она не знала никого с таким именем, но он писал, что Ника в порядке и ждет ее. Был телефон, по которому она могла позвонить, но что она ему скажет? «Здравствуйте, я вас не знаю, но вы принесли мне в больницу передачу и собираетесь приехать за мной при выписке». Станный, наверно, получится разговор, хотя выхода не было, нужно было понять, где дочь, с кем, здорова ли.

На ее звонок ответили не сразу. Мужской голос сказал «Я слушаю», потом она услышала продолжение его разговора с кем-то по работе, какие-то указания, и только потом «Простите, я слушаю вас».

– Здравствуйте, я Маша.

– А, здравствуйте, я приходил, но меня не пустили. Как чувствуете себя?

– Нормально, лучше. Простите, а вы кто? Я ничего не по-

нимаю.

– А я ваш сосед, я привез вас в больницу, вы были без сознания.

– Спасибо...

Маша растерялась. Она ничего не помнила. Вернее помнила, как они приехали, как отправила Нику гулять, а сама пыталась затопить печку, которая никак не разгоралась, но потом разгорелась. Помнила, как начала двигать какие-то заслонки, так как где-то читала, что вроде это надо сделать, когда печка уже разгорелась. Помнила, как повалил дым, стало трудно дышать и все, больше ничего не помнила. Значит, этот мужчина ее спас.

– Спасибо – еще раз сказала она.

– Это не мне спасибо, это вы дочке своей скажете, когда увидите ее.

– Как она, где она? – Алексей услышал слезы в голосе женщины.

– Она у нашей соседки Веры Степановны. Живая, сытая, здоровая, не волнуйтесь!

– Хорошо, спасибо, я позвоню.

Алексей еще долго смотрел на уже молчащий телефон.

Машу выписали через несколько дней. Алексей привез ее домой к Вере Степановне и сразу ушел, чтобы не видеть, как мать и дочь молча, обнявшись, сидели на полу и гладили друг друга по лицу, волосам. В этой сцене было так много эмоций, что Алексей предпочел уйти к себе, отвязать и пу-

стить гулять собаку, занести в дом сумку с продуктами и дрова из дровника, и только потом вернулся к Вере Степановне.

Женщин он застал уже за столом, вокруг которого суежилась хозяйка. Ника болтала без умолку, показывая матери то трехцветную Верину кошку, то книжку, которую они с бабой Верой читали. Маша была бледная, худая, на лице одни глаза, которые сияли, когда она глядела на дочь.

– Ну вот, спаситель наш пришел, – Вера Степановна махнула Алексею, чтобы тот раздевался.

Алексей не успел отреагировать на «спасителя», как к нему подбежала Ника и за руку подвела к матери.

– Мама, это – Леша.

Маша подняла на него глаза. Наверно впервые она смотрела прямо на него. Когда он вез ее из больницы домой, то она молчала и смотрела в окно, а он тоже не знал, о чем с ней разговаривать. Сейчас он наконец смог разглядеть ее лицо и не назвал бы ее красивой, черты правильные, но не запоминающиеся, а вот глаза... Никогда не видел он таких грустных и одновременно прекрасных глаз.

– Спасибо Вам, Алексей, – просто сказала она, от чего он как-то засмутился еще больше.

– Все, все за стол садимся, Ника, тарелку Леше достань, – Вера Степановна постаралась закруглить эту неловкую сцену.

Все сели обедать, разговор шел про поселок, про то, как в нем устроена жизнь, про магазин, про автобус, словом, про

те бытовые мелочи жизни, которые если не определяют всю эту жизнь целиком, то являются важными ее элементами, особенно если ты живешь в десяти километрах от райцентра, а на носу зима.

Ника закончила есть и отпросилась к телевизору смотреть мультики. Убедившись, что дверь за девочкой плотно закрыта, Вера Степановна посмотрела на Машу.

– Нам Ника сказала, что Валеру убили, но как получилось, что вы с ней оказались тут? Другого жилья что, нет?

Маша отрицательно покачала головой.

– Квартира за долги ушла, только этот дом остался.

– Но он же вообще не дом, а сарай! В нем же жить нельзя!

– Адвокат сказал, что можно, и что если я им квартиру не отдам, то они и меня с Никой убьют.

– Ясно, сволочь продажная! И деньги тоже все забрали?

Маша кивнула.

– Пока здесь можешь пожить, но нужно что-то снять в городе, здесь вам с Никой плохо будет, неудобно – помещение маленькое, удобств никаких.

– Они могут жить у меня.

Обе женщины посмотрели на Алексея, который до этого хранил молчание.

– Они могут жить у меня, если не испугаются жить с бывшим уголовником.

Маша молчала, пытаясь осознать, что он только что сказал. Алексей встал.

– Спасибо за обед, Вера Степановна. Пойду Вулкана прогуляю, попозже зайду.

Он взял с вешалки куртку и, даже не надев ее, вышел во двор.

– Как уголовник, он что, сидел? За что? – Маша смотрела на Веру Степановну и очень хотела, чтобы та сказала «Да что ты, это он шутит так».

– Да, Машенька, сидел. За непредумышленное убийство. Своей жены. Три года дали, отсидел по-полной.

Видя, что Маша молчит, Вера Степановна продолжала:

– Ты не думай, он никого не убивал, это был несчастный случай, но доказать это было невозможно. Да еще и родители его покойной жены расстарались – не только посадили его, но и большую часть денег в качестве компенсации отняли, сволочи. А Леша такой, он с ними связываться не стал. Да и бесполезно это было. Если бы не Лешин друг Сашка, то еще хуже было бы. Сашка нашел очень хорошего адвоката, заплатил ему кучу денег за работу, но тот постарался и не дал закатать его на пять лет, как просил прокурор.

– Он давно освободился?

– Три года уже. Приехал в Москву, все распродал, что родственнички не отобрали, и сюда приехал. Год дом перестраивал своими руками. У него там все удобства, газ, канализация. Он мастер потрясающий, он же Бауманку заканчивал, инженер от Бога.

– А чем он здесь занимается?

– Ремонтами. Электричество проводит, сантехнику монтирует, он на все руки.

– Такому инженеру, как он, наверно скучно этим заниматься?

– Не знаю, может и скучно, но он не хочет больше в большом городе жить. Говорит, что тесно ему там и шумно. А я его понимаю. После трех лет, которые он в колонии провел, ему свобода и независимость важнее всего. Он сам себе хозяин, понимаешь?

Теоретически Маша это понимала, но пытаясь представить, через какой ад прошел этот человек, она мысленно пробуксовывала. Как же он должен был разочароваться в людях, что предпочел жить совсем один в деревне, где никого кроме старушек и спившихся стариков.

– Ты, Маша, не бойся, Леша очень добрый и надежный человек, но характер у него тяжелый. Он и раньше-то не слишком много разговаривал, а теперь и вообще ни с кем кроме меня, Бориса, хозяина магазина нашего, да помощника своего Витьки, не общается. Друг его Саша уехал в Японию, жена у него там переводчиком работает. Вот только мы у него и остались.

– Я не боюсь, да и выхода у меня, похоже, нет. Пока я на работу не устраюсь, хоть на какую, у меня денег, чтобы квартиру снять, все равно не будет. Я думаю, что пару недель я у него поживу, огляжусь, соображу, что мне делать.

– Это правильно, утро вечера мудренее. Ты сейчас еще

слабая, вот в себя придешь, там и посмотрим.

Когда Алексей вернулся, то Маша сказала, что она согласна, но что денег у нее почти не осталось.

– Разберемся, – буркнул Алексей, взял небольшую сумку, в которой лежали Машины нехитрые больничные пожитки и продукты, которые он же ей туда приносил все предыдущие дни, и направился к двери.

Дом оказался небольшим, двухэтажным. Внизу гостиная метров восемнадцать, из нее две двери, одна из которых вела в небольшую кухню, вторая в такую же размерами как гостиная комнату, где Маше и Нике предстояло жить. Из гостиной шла лестница на второй этаж, но туда Алексей их не пригласил.

– Вот, при входе санузел, там же душ – сказал он. – У меня на втором этаже свой, так что этот – в вашем полном распоряжении.

– Здорово здесь! – Ника не скрывала своего восторга, – Тепло. И печка есть. Леша, ты умеешь печку топить? А то мама не умеет.

– Умею и ее научу, а ты, пожалуйста, к печке не подходи, когда она топится. Договорились?

Девочка кивнула.

– Вы собак боитесь? – вопрос был обращен к Маше, но Ника ответила быстрее матери.

– Нет, мы любим собак, но папа нам завести щенка не разрешил.

– Тогда я познакомлю вас с Вулканом.

Алексей вышел и через минуту вернулся с большой рыжеватой собакой, похожей на овчарку.

– Сидеть! – скомандовал он. Пес сел и стал смотреть то

на хозяина, то на его гостей.

Собаку он подвел сначала к Маше, потом к Нике и каждый раз говорил «Свои, Вулкан, это свои». Движение хвоста показывало, что пес все понял и рад новым людям.

– А мне можно его погладить? – Нике не терпелось познакомиться с Вулканом поближе.

– Можно, только два условия: не кормить его ничем и не дразнить. Поняла?

– Поняла, но я не знаю, что такое «дразнить»? – она за помощью повернулась к матери.

– Его нельзя обманывать, понимаешь? – Маша тоже не могла толком объяснить, как можно, вернее, как нельзя дразнить собаку.

– Я обманывать не буду! – Никино заявление прозвучало очень убедительно.

– Ну, вот и прекрасно, познакомились. Днем он сидит на цепи, вечером я его спускаю, а когда холодно, то забираю внутрь, он на кухне спит.

Потом Алексей с Машей вытащили чемоданы из ее машины, внесли вещи в дом.

– Разбирайтесь, если чего не хватит, скажете, – сказал Алексей и ушел наверх.

Весь остаток дня ушел на то, чтобы освоить новое пространство, разложить вещи, разобраться с кухней. Когда после ужина Ника была уже уложена в постель, Маша вернулась на кухню помыть посуду. Она думала, что Алексей ушел

к себе, но он был там, пил чай, ждал ее.

– Все нормально?

– Да, спасибо вам большое! Но я чувствую себя ужасно неловко. Вы понимаете, что платить много я просто не смогу, но я могу готовить, могу стирать, убираться.

– Да неважно, мне это совершенно не нужно.

– А что нужно? Чтобы я с Вами спала?

Маша еще не договорила эту фразу, но уже поняла, что сделала что-то непоправимое. Алексей дернулся, как от удара, и, не глядя на нее, встал и вышел из кухни. Он не поднялся к себе, а открыл входную дверь и вышел на улицу. Вулкан, было, поднялся за ним следом, но получил такое строгое «лежать!», что растянулся прямо в центре кухни, перегородив свои длинным телом дорогу к двери.

«Дура! Кретинка! Идиотка! Зачем?! Срочно бежать извиниться!» – мысли в Машиной голове прыгали, не давая сосредоточиться. Когда через четверть часа Алексей вернулся на кухню, то это был совершенно другой человек – суровый, замкнутый.

– Алексей, простите меня! Ради бога, простите! – начала Маша, но он посмотрел на нее таким взглядом, что она осеклась на полуслове.

– Значит так, – голос был тихим, но в нем звучала сталь, и у Маши все внутри завязалось тугим узлом, – готовить – да, стирать – свое, убирать – только вниз, когда будете в состоянии найти другие варианты – уедете.

Когда за ним закрылась дверь, Маша расплакалась.

Они жили в поселке уже почти три недели. Алексей уезжал рано, утром не завтракал, только пил кофе. Когда Маша с Никой вставали, его уже не было, пес сидел в своей будке и ждал, когда выйдет его подружка. Ника проводила рядом с собакой много времени. Она выносила туда свои игрушки, разговаривала с Вулканом, придумывала всякие игры на площадке перед будкой. Словом, у пса началась совершенно другая жизнь, центром которой была Ника.

Маша готовила еду, содержала в чистоте отведенное ей небольшое пространство, и страдала. Поводов для страданий было хоть отбавляй – отсутствие своего жилья, заканчивающиеся деньги, неясные перспективы, но, главное, Алексей...

За это время он не сказал ей и десятка слов, сухо благодарил за еду и уходил к себе наверх или гулять с собакой. Даже тарелку за собой мыл, не давая ей возможности обслуживать его. Маша попробовала еще раз извиниться, но наткнулась на гробовое молчание с его стороны, и поняла, что шансов исправить положение у нее нет. Когда их пути пересекались на кухне или в гостиной, то это молчание было таким тяжелым, что, услышав, что Алексей входит в дом, она старалась вообще не выходить из своей комнаты, чтобы с ним не встретиться.

Нет, он не был ни груб, ни сердит – он просто ее игнорировал. Зато с Никой они дружили. Когда он приходил домой после работы, то Ника выбегала в прихожую его встречать.

– Ну, привет тебе, Богиня Победы! – приветствовал ее Алексей.

Когда он первый раз так назвал ее, то девочка не поняла.

– Почему ты меня так называешь?

– Потому что у древних греков так звали богиню, которая, помогает победить, причем не важно, в войне или в спорте, просто победить. Она красивая, молодая, умеет летать над землей, в руке у нее лавровый венок, и она им награждает победителей.

– Здорово! – восхитилась Ника – меня в ее честь назвали?

– Этого я не знаю, ты маму спроси.

– Вообще-то, меня Вероника зовут, – девочка была озадачена, – поэтому, может, и не в ее честь.

– Не важно, я все равно буду звать тебя Богиня Победы, договорились?

Ника удовлетворенно кивнула.

– Ну, так как прошел твой день?

Дальше шел подробный отчет, что делала она, что мама, что баба Вера, к которой она прибегала сразу после завтрака, благо между участками была небольшая калитка, не нужно было даже на улицу выходить. У Веры Степановны было уютно, она рассказывала сказки, читала книжки, у нее постоянно работал телевизор, иногда без звука, когда на экра-

не просто люди разговаривали, иногда со звуком, если шел фильм.

— А ты что делал? — спрашивала его в свою очередь Ника, и Алексей думал, что после матери, живо интересовавшейся его делами, это первый человек, который задает ему этот вопрос. Его покойную жену это совершенно не интересовало, главное, чтобы он приносил деньги и оплачивал ее покупки.

Надежда, его покойная жена, страшно злилась, что он работает в какой-то дурацкой лаборатории, где «платят гроши, и то через раз». Она изводила его попреками, пока он, наконец, не ушел с работы и не занялся, как и многие его однокашники, бизнесом типа «купи-продай», сначала мелким, но потом, благодаря одному приятелю, перешел в более крупную компанию, занимавшуюся поставками техники. Здесь, хотя бы, требовалось его инженерное образование.

Платили очень прилично, жена повеселела и перестала клеветать ему печень. Ее очень устраивало, что он много времени проводил в командировках и не отсвечивал дома, оплачивал все ее счета, купил дом в коттеджном поселке, машину. Ну, просто идеальный муж! Возможно, что и его такая жизнь стала со временем устраивать, особенно когда первая безумная страсть к жене поутихла, и он понял, что вокруг масса приятных дам, очень благосклонно относящихся к его вниманию.

Ах, если бы он вовремя с ней развелся! Ведь давно было понятно, что все к этому идет, что она его не любит, изме-

няет ему, детей от него не хочет. Его любовь к ней тоже постепенно угасла. Но было лень! От одной мысли, что нужно будет пройти через скандальный раздел имущества, у него начиналась головная боль, и, хотя при каждой ссоре слово «развод» звучало в аргументах обеих сторон, до конкретики дело так и не дошло. Если бы он вовремя с ней развелся, то и она была бы жива, и он не потерял три долгих года своей жизни. Но он не сделал этого, а последний их скандал стал действительно последним.

Они в очередной раз поругались, он собрал свои вещи, побросал их в сумку, она побежала за ним по лестнице, кричала что-то обидное, он не слушал и был уже внизу, когда она зацепилась каблуком за длинный развевающийся пеньюар и кубарем скатилась вниз, практически к его ногам. Перелом позвоночника, мгновенная смерть.

Но это все было там, в прошлой жизни, которую он не хотел больше вспоминать. А здесь перед ним стояла маленькая девочка, и ей действительно было интересно, что он делает.

– Я соединял провода, прикреплял их к стене, подводил их к розетке. Теперь, если в розетку воткнуть вилку, ну, например, от лампы, она будет гореть.

– Потому что ток?

– Да, потому что в розетке появился ток.

– А откуда?

– От тех проводов, которые вон там к столбу прикреплены, видишь? – Алексей показал в окно столб, от которого

электрические провода шли к дому.

– А в тех проводах откуда?

– А вот мы с тобой гулять пойдем, и я покажу тебе большие металлические опоры, которые держат провода. По этим проводам ток передается от электростанции к городам и поселкам, таким, как наш.

– А когда пойдем гулять?

– Ну, вот сейчас поем, возьмем Вулкана и пойдем.

Маша слушала этот разговор из своей комнаты и отчаянно завидовала Нике. Ей ужасно, просто до слез, хотелось, чтобы он с ней так поговорил, пригласил ее погулять с ними. «Сама виновата» сказала она себе, но легче от этого не стало. Если бы ей кто-нибудь сказал, что она влюблена в Алексея, то она просто не поняла бы, о чем идет речь. Любовь – это что-то прекрасное, радостное, а ей постоянно плакать хочется, сердце болит, накатывает то злость, то полное бессилие и апатия...

Про любовь Маша читала в книжках, слышала от подружек, делившихся с ней своими секретами, смотрела в фильмах. Она знала, что такое любовь, потому что любила Нику больше всего на свете. Мужа же своего она не любила, вернее, любила, но не так, как пишут в книгах.

С Валерой Зайцевым она познакомилась на свадьбе своей бывшей одноклассницы. Симпатичный парень, на пару лет ее старше, заканчивал институт. Начал ухаживать за ней, пригласил на одно свидание, второе, на третьем сделал предложение. Маша только рассмеялась ему в ответ.

– Ты что, в своем уме? Какой «замуж», когда мы друг друга совсем не знаем?

– Сейчас не знаем, потом узнаем, – философски изрек потенциальный жених. – Ты зря смеешься, я вполне серьезно.

– Ну уж, если серьезно, то объясни мне, какая муха вдруг тебя укусила, что ты жениться вздумал?

– А просто, понимаешь, надоело приходить в пустой дом, где никого и ничего кроме пустых бутылок.

– Так ты хочешь, чтобы я бутылки убрала? – Маша пыталась обратить все в шутку. – Найми уборщицу, дешевле будет.

– При чем здесь уборщица, мне человек в доме нужен – немного обиделся Валера.

Она подумала и согласилась. У нее дома были мать и отчим, с которым были сложные отношения: по-пьяни он к ней цеплялся, «то не так, это не так», а трезвым он почти никогда и не был. Мать разрывалась между мужем и дочерью, при этом злилась на обоих. Так что замужество было совсем не плохим вариантом.

Валера оказался хорошим мужем, секс с ним был приятным, хотя страсти так и не наступило. Они, скорее, были хорошими друзьями, а не любовниками, он заботился и о ней и о Нике, которую обожал. После института Валера начал заниматься бизнесом и преуспел. Купил квартиру побольше, перевез туда Машу с только что родившейся Вероникой, на обстановку и одежду не скупился, хотел, чтобы все было, как у людей. Машу это особенно не интересовало, но не отказываться же, тем более, что иногда приходилось выходить с мужем на какие-то мероприятия, надо было прилично выглядеть.

Но в целом жизнь была довольно замкнутая, укладывающаяся в триаду «дом-ребенок-магазин». Когда Нике было два года, скоропостижно умерла Машина мать, а через неделю госпитализировали и отчима с инсультом. Из больницы он так и не вышел. Вот и не верь после этого в любовь до гроба! Квартиру, доставшуюся Маше в наследство, продали, и деньги эти Валера вложил в свой бизнес. Тогда Маше казалось, что это правильно – они же семья.

Через три года Валеру убили практически у нее на глазах.

Он довез Машу с Никой до торгового центра, они вышли, а он поехал дальше. На ближайшем светофоре его машину обстрелял мотоциклист. Ни его, ни мотоцикл, конечно же, не нашли.

Алексей был совершенно не похож на красавчика Валеру: крупный, широкий в плечах, с копной непокорных темных волос, густыми бровями над серьезными, без тени улыбки темно-серыми глазами. Носогубные складки, идущие от носа к плотно сжатым губам, и вертикальные морщины между бровями были не по годам глубокими и делали лицо решительным и замкнутым. Только когда он разговаривал с Верой Степановной и, особенно, с Никой, лицо разглаживалось, в глазах появлялись искорки, лицо освещала чуть насмешливая и ироничная, но совершенно не злая улыбка. Он, как будто, чуть подсмеивался над своим собеседником, и над собой тоже, и был в этот момент таким неотразимо симпатичным, что у Маши сердце начинало биться учащенно, и она, краснея, отворачивалась, боясь, что он это заметит. Ах, как же грустно ей было, что для нее он никогда таким не был!

Алексей приносил из магазина продукты – мясо, рыбу, Маша все это готовила – жарила или тушила с овощами и травами. Было очень вкусно. Она вообще была хорошей хозяйкой: дом содержала в чистоте, варила супы, по которым он стосковался в своей холостяцкой жизни. То, что приготовленную Машей еду он ест практически один, Алексей заметил не сразу, но, когда заметил, то заволновался. Вечером, гуляя с Никой, он спросил ее, как она провела день, что ела.

– Курицу ела, рис.

– А мама? – осторожно спросил Алексей.

– Не помню, кажется, рис. Потом чай пила.

– Мама что, мясо совсем не ест?

– Не знаю, не помню – Ника была озадачена. – Дома ела, вообще то.

Алексей перевел разговор на другую тему, но вечером, дождавшись, когда ребенок пошел спать, пришел на кухню выяснять, в чем проблема. Маша сидела с книгой, рядом с ней стояла чашка с чаем.

– Маша, скажите, вы больны или объявили голодовку? Я это к тому, что если это голодовка, то хотелось бы узнать требования?

Он смотрел на нее, и в его глазах было даже что-то, похожее на улыбку. От этой улыбки Маша смутилась, покрасне-

ла, никак не могла сообразить, что нужно ему ответить.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – наконец смогла сказать она.

– Я говорю о том, что вы ничего не едите, хочу понять, почему?

– Я ем.

– Да. Чай, рис, сушки.

– Откуда вы знаете?

– Я не разглашаю свои источники информации, – сказал он. – Так в чем причина?

– Я и так живу у вас и ничего не плачу! Не могу же я еще и питаться за ваш счет.

– Можете! – его лицо опять сделалось жестким. – Это не обсуждается, – добавил он, увидев, что она пытается что-то возразить.

Он смотрел на нее, на ее потерянное лицо, опущенные ресницы. Наконец она кивнула.

– Вот и хорошо, – сказал Алексей и вышел из кухни.

А Маша никак не могла разобраться, плакать ей, или радоваться. Решила, что радоваться.

Когда через пару дней Алексей настраивал у Веры Степановны телевизор, та сказала, что видела в магазине Машу.

– Она мне показалась какой-то грустной. Не знаешь, почему?

– Послушай, Вера Степановна, было бы странно, если бы

она была веселой. У нее недавно мужа убили, квартиру отобрали, денег нет. Что ей веселиться?

– Не знаю, может ты и прав, но ты там спроси у нее, может, помочь как?

– Ладно, – буркнул Алексей.

Он, естественно, не стал рассказывать соседке про их размолвку, и про то, что они практически не разговаривают друг с другом. Он и сам не мог бы вразумительно объяснить, почему так остро отреагировал на слова Маши. Пару дней он злился, хотя не мог понять, на что именно. А потом понял, что это не злость, а страх, панический страх от того, что Маша сказала правду. А ведь он дал себе зарок больше никогда не влюбляться. Слишком тяжело дался ему его первый и такой неудачный опыт. И дело было не только в произошедшей трагедии.

С Надеждой он познакомился на свадьбе своего друга Сашки. Когда он увидел высокую девушку с черными волосами почти до талии, то потерял голову еще до того, как она обернулась. Он увидел эту точеную фигурку, водопад волос, отблескивающий при каждом движении ее головы, и понял, что это – Она.

– Кто это? – спросил он друга.

– Это? А это младшая сестра моей жены, Надежда. Что, зацепила?

– Не то слово, – сознался Алексей.

– Ты не очень рассчитывай, вокруг нее масса кавалеров вьется, а Катерина говорит, что все они смертники, – предупредил Сашка.

– Это почему еще?

– Да не знаю я. Они друг друга здорово не любят, хотя и сестры. Так что я тебя предупредил.

Бесполезно. Когда человек уже потерял голову, то и думать ему нечем. Полгода Алексей осаждал эту крепость, и в конечном итоге получил ее в качестве законной жены. Он так до конца и не понял, зачем она вышла за него замуж. Скорее всего, для того, чтобы насолить старшей сестре, которая не уставала отговаривать Лешу от этого брака. Но дело было сделано, свадьба сыграна, начались будни, которые язвительная Катя окрестила «сексуально-трудовыми».

Действительно, в первые годы секса было много, и вообще жизнь была не скучная: постоянные громкие ссоры и следующие за ними страстные примирения. Со временем ссоры стали менее громкими, так как кричала в основном Надежда, а он отмалчивался, чем бесил ее еще больше, а примирения потеряли страстность и превратились, скорее, в перемирия. Он ушел со своей работы в лаборатории, о чем в глубине души очень жалел. Она получила, наконец, «дом своей мечты», стала строить из себя дизайнера, подбирать аксессуары в цвет обоев, водить гостей, как на выставку. Алексей в этом участвовал только деньгами, да, собственно, его мнением никто и не интересовался.

Как он точно знал день, когда влюбился, так мог назвать и день смерти этой любви. Звонок Сашки застал его в аэропорту, когда он уже садился в машину, чтобы ехать в офис. Они дружили всю жизнь, были почти как братья, поэтому Сашке не нужно было подбирать нужные формулировки.

– Привет, ты в Москве? Слава Богу! У мамы удар, ее увезли в больницу, я еду к ней, а ты давай к Катьке!

Друг не просил, он знал, что этого и не нужно. Катя доживала последние дни перед родами, ждала двойню. Оставлять ее без присмотра было нельзя, роды могли начаться в любой момент. Алексей позвонил на работу, отчитался о результатах поездки, договорился, что его несколько дней не будет и отправился на квартиру к другу. Уже выйдя из машины и поднимаясь в квартиру, позвонил жене, сказал, что прилетел, но домой не приедет, объяснил ситуацию.

– Ну и очень глупо! – услышал в ответ

– Что глупо? – не понял он.

– Сидеть с матерью в больнице глупо, все равно она умрет.

И все. Стало как-то тоскливо спокойно на душе. Свет выключили. Все было кончено, его болезнь по имени «Надежда» осталось в прошлом.

Дальше было несколько дней борьбы за жизни – уходящую и еще не родившиеся. Сашка сидел сутками в больнице, домой забегал только переодеться, Алексей был в полном Катином распоряжении: собирал кровати для новорожденных, гладил пеленки-распашонки, варил обед под бдитель-

ным оком круглого, как шар главнокомандующего «чтобы Сашке было, что поесть, когда придет».

Потом Сашина мама умерла, и еще день ушел на оформление бумажек и организацию похорон. Катя грустила не потому, что сильно любила свекровь, а потому, что «Сашку жалко!». Ближе к вечеру у нее отошли воды, и они помчались в роддом, нарушая все правила дорожного движения. Их, естественно, остановила патрульная машина, но, увидев Катино бледное лицо и огромный живот, сопровождала их до самой больницы, включив «мигалку». Мальчишки родились в срок и здоровыми, а домой Алексей вернулся уже после похорон. В его доме жила женщина, которая его совершенно не волновала, просто чужой человек, волею судьбы оказавшийся с ним под одной крышей.

Они жили в разных комнатах, все их ссоры касались теперь только денег, доступ к которым Алексей для жены ограничил: все другие женщины, с которыми он общался, тоже имели очень развитый хватательный рефлекс и денежный резерв был важен. Умом он понимал, что не все женщины таковы, но, кроме Кати, обожавшей своего Сашку независимо от того, сколько тот зарабатывал, ему такие не встречались. Поэтому он решил, что больше никому не отдаст своего сердца и свободы, и до последнего момента ему это удавалось.

Что же теперь делать со своими чувствами, Алексей не знал. Маша была такой нездешней, как райская птица,

случайно залетевшая в курятник. Он понимал, что она очень скоро соберется с силами и уедет отсюда, оставив его зали- зывать раны. Конечно, так и будет, потому что даже ради нее он не готов был бросить этот дом, эту тишину и пустынную, которая другим могла показаться наказанием, а для него бы- ла столь желанной. Он был настолько морально травмирован своим тюремным и лагерным опытом, что не хотел больше никуда стремиться и ни с кем взаимодействовать. Минимум контактов, необходимых по работе, хороший, удобный дом, книги, Интернет – вот, пожалуй, и все, что было ему нужно. Зачем тогда позволять себе надеяться, что ты кому-то мо- жешь быть нужен? Больше всего он хотел сам распоряжаться своей жизнью.

Но одно дело – хотеть, а другое – мочь.

Вернувшись вечером из города, Алексей застал Машу в кухне. Она стояла у окна и смотрела на дождь, на ветки сирени, росшей под окном кухни, которые ветер раскачивал так, что они почти касались стекла. Алексею показалось, что она плачет, но, когда она обернулась, услышав его шаги, то слез он не увидел. Лицо было грустное, губы плотно сжаты. Алексей знал это выражение, выражение человека, принявшего неприятное решение. На Машином лице он его увидел впервые.

– Где Ника? – спросил он.

– Наверху, мультик смотрит.

Да, время было как раз для мультика – восемь вечера. Они с Машей договорились, что с восьми до девяти девочке разрешается смотреть телевизор, который был только у него в кабинете. Когда он работал, Ника сидела в наушниках, а он с удовольствием наблюдал за сменой выражения на ее лице в зависимости от того, что происходило на экране.

– Вы ужинали? – спросил он.

– Да, спасибо.

Она направилась к двери.

– Маша, скажите, вам здесь плохо?

Вопрос был задан так неожиданно, что Маша остановилась и долго стояла к нему спиной, не оборачиваясь.

– Мне не здесь плохо, мне вообще плохо, – наконец ответила она. – Мне уезжать отсюда надо, работу в Москве искать.

– А вы не хотите?

– Кому важно, хочу или нет. У меня деньги практически закончились, и вещи тоже.

– Какие вещи? – не понял Алексей.

– Вы есть хотите?

– Хочу, – сознался он.

Она молча положила на тарелку мясо, картошку, поставила в микроволновку погреть, помыла помидоры, достала из холодильника маринованные огурцы, налила и включила чайник поставила тарелку с едой перед ним и тоже села за стол. Просто сидела и молча смотрела, как он ест.

– Так что за вещи? – еще раз спросил Алексей, так и не дождавшись ее ответа.

– У меня есть подруга, Света, мы еще со школы дружим. На следующий день после того, как Валеру убили, она пришла ко мне с большим чемоданом. Велела собрать все ценные вещи – шубы, золотые побрякушки, наличные деньги, и все это увезла к себе. Я тогда даже не спросила ее, зачем, была как во сне. Потом, когда квартиру отобрали, счета заморозили, эти вещи и моя машина... Ну, в общем, это единственное, что у меня осталось. Мы эти тряпки и драгоценности относили в ломбард, на это жили несколько месяцев. Теперь все закончилось. Надо возвращаться, искать хоть ка-

кую работу.

– Ну, «хоть какую» можно и здесь найти, для этого не обязательно в столицу ехать.

– Здесь? – Маша была явно удивлена.

– Не в деревне, конечно, а в городе. Я так понимаю, что образования у вас нет.

– Вообще-то есть! Я Педуниверситет закончила. Иностранные языки.

Тут уж пришла очередь Алексея удивляться. Не потому, что она выглядела глупой, но почему-то ему казалось, что она сразу после школы вышла замуж, она выглядела очень молодо, лет на двадцать пять, не больше, и у нее уже была шестилетняя дочь.

– То есть у вас есть диплом преподавателя иностранного языка? Английский?

Маша кивнула.

– Но я ни одного дня не работала. Я диплом защищала, когда уже на последних месяцах была, едва успела.

Он понимал, что ни в Москве, ни, тем более, здесь никто не ждет ее с ее дипломом преподавателя английского. Таких молоденьких девочек с неплохим языком – пруд пруди. В Москве ей придется еще и квартиру снимать, значит, искать офисную работу ей нужно будет в очень приличном месте, чтобы ее зарплата покрывала расходы на аренду и хотя бы на еду оставалось. Практически нереально. Даже здесь, подальше от столицы, будет проще что-нибудь подыскать:

все же стремятся «в Москву, в Москву», здесь остаются самые слабые. Здесь ее диплом – преимущество. И можно будет согласиться на меньшие деньги, потому что есть, где жить.

Когда он изложил ей свои соображения, Маша задумалась.

– Совершенно не представляю, как здесь искать работу, – создалась она.

– В администрации города есть отдел, который занимается трудоустройством. Думаю, что надо с них начать, а там посмотрим. Хотите, я завтра вас туда отвезу, когда на работу поеду?

Она кивнула.

– Документы все возьмите, дипломы и... Да, берите все, черт его знает, что им понадобится.

На том и порешили. Утром отвели заспанную Нику к Верре Степановне, сели в машину, и практически к началу работы уже были на месте. Алексей высадил ее и, пожелав удачи, уехал. Терять ей было совершенно нечего, и она вошла в здание городской администрации.

Все оказалось не так страшно, как ей представлялось: женщина, к которой она попала, была вполне доброжелательна, а когда узнала, что Маша потеряла мужа и теперь одна воспитывает ребенка, то и вовсе прониклась к ней сочувствием. Посмотрев документы, она некоторое время переби-

рала какие-то бумаги, а потом взяла телефон и набрала номер.

– Здравствуйте, Иван Семенович, это Галина Волкова.

Услышав ответ, она заулыбалась, видимо, Иван Семенович говорил какие-то комплименты.

– Спасибо, я ей обязательно передам, ей будет приятно.

Маша подумала, что в небольшом городе есть свои преимущества – все друг друга знают. Вот, явно, у Галины и Ивана Семеновича есть общие знакомые, которым передаются приветы. Даже Алексей, несмотря на свою нелюдимость, чувствует здесь себя, как рыба в воде – знает куда обратиться, что делать. Разговор между Галиной и Иваном Семеновичем тем временем продолжался.

– Я знаю, – сказала Галина, – что у вас вакансия преподавателя иностранного языка после отъезда Петровой. Я правильно помню? Так вот, передо мной сидит девушка, женщина молодая, у нее диплом московского педагогического университета. Да, да, шесть лет назад, да, нет, опыта никакого, дома с ребенком сидела, не знаю, – она посмотрела на Машу. – Вы надолго сюда приехали или как?

– Это зависит от того, найду я работу или нет. Если найду, то надолго.

– А живете где?

– В Хорошово, на даче.

– Знаю, нормальное место.

Маша кивнула.

Галина еще пару раз сказала «да» и пару раз «нет» и опять повернулась к Маше.

– Вы можете сейчас съездить, с Иваном Семеновичем поговорить? Это недалеко, всего несколько остановок на автобусе №1, остановка так и называется «Школа».

Иван Семенович, директор школы, оказался еще не очень старым, лет шестидесяти. Седые волосы, внимательный взгляд из под густых бровей, чуть насмешливый, ироничный.

– Значит, это вы – Мария Владимировна Зайцева? – начал он.

– Я, здравствуйте.

– И вам не хворать! Ну, рассказывайте о себе.

Маша рассказала, где училась, где проходила практику, но честно добавила, что у нее никакого опыта работы нет, и что она вообще не знает, справится ли.

– А вот это мы и проверим. Готовы прийти дать урок, ну, например, в пятом классе?

– Когда? – испугалась она.

– Ну, предположим, на следующей неделе? Учебники я вам дам, у вас их, конечно, нет.

– Готова.

– Ну и отлично! Жду вас в понедельник в восемь тридцать. Не опаздывайте!

«Может ничего и не выйдет из этой затеи, но попробо-

вать можно», думала Маша, прячась от ветра за стенкой автобусной остановки. «Не выйдет – пойду уборщицей, окна буду мыть, убираться, с голоду не умрем». Хорошо, когда есть перспективы!

По дороге домой Маша зашла к Вере Степановне за Никой. Девочка сидела на диване и читала кошке книжку. Кошка жмурилась и периодически вытягивала вперед лапку, показывая когти, но не царапалась и не драла обивку, а, потянувшись, когти убирала. Ника одной рукой переворачивала страницы, а другой почесывала кошку за ухом, от чего та утробно урчала, выражая свое удовольствие. Словом, картина была благодатная.

Маша подумала, что впервые ее ребенок получил то, что так хотел: кошку, собаку, свободу бегать по улице, да еще и «бабу Веру» в придачу. Вера Степановна между делом, не навязчиво учила ее читать и считать, рассказывала сказки, приучала к домашним делам, например, мести пол, накрывать на стол, готовить простые блюда. Ника была постоянно чем-то занята, а не только телевизор смотрела, как это бывало раньше, когда Маше нужно было ее нейтрализовать, чтобы она не болталась под ногами. У Маши не всегда хватало времени и терпения выслушивать ее, вникать в ее болтовню. Поэтому то, как Вера Степановна общается с ее дочерью, вызывало восхищение и даже некоторую зависть.

— А, вот и мама! Машенька, чаю хочешь?

— Очень хочу! Я с утра не ела ничего, да и замерзла, пока автобус ждала.

– Сейчас мы тебя согреем.

Вера Степановна поставила чайник, достала хлеб, сыр, конфеты.

– Ну как, удачно съездила?

– Ой, боюсь даже сглазить! Меня в школу пригласили, учителем английского. Правда, может еще и не получится ничего. Я же никогда не преподавала раньше, только практику проходила. В понедельник пробный урок.

– Все у тебя получится, не бойся. Ты же нормально училась? Не в подворотне диплом покупала?

– Нет, ну что Вы! Училась, как все.

– Ну и будет все нормально, даже не сомневайся!

– Хорошо бы, только вот как с Никой быть?

– А что с Никой? Ника со мной побудет. Побудешь? – вопрос был обращен к девочке. Та кивнула, не отрываясь от чтения.

– Мне неудобно, как-то...

– Глупости! Мы с твоей дочкой прекрасно ладим. Мне с ней веселей, так что не переживай. Я все равно все время дома сижу. А нужно будет в магазин сходить, так вместе с ней и ходим.

– Спасибо вам, Вера Степановна! Я сейчас скажу банальную фразу, но я действительно не знаю, что я без вас бы делала.

– Да то же самое и делала бы, только было бы не так удобно, вот и все.

Маша задумалась. Наверно это было правдой, выход всегда есть, но ей просто сказочно повезло, что они оказались соседями.

– Вера Степановна, я давно хотела спросить, а как давно вы здесь живете? Вы же не всегда тут постоянно жили?

– Постоянно уже почти шесть лет, как квартиру в Москве продала.

– Ясно.

– А почему не спрашиваешь, зачем продала? Тебе же интересно?

– Интересно, но если не хотите говорить, то и не надо.

– Да тут никакой тайны нет. Нужно было дочери выплатить ее долю по квартире, когда она уезжала, пришлось продать.

– Дочери? Я и не знала, что у вас есть дочь.

– Есть, и еще четверо внуков. Они уехали жить в Израиль.

– А вы с ними не поехали?

– А что мне там делать? У нее своя жизнь, она имеет на нее право, а у меня своя. Зачем мне путаться у них под ногами.

Маша молчала, не зная, что на это сказать.

– Да ты не думай, у нас нормальные отношения, – продолжала Вера Степановна, – мы с ней переписываемся, она фотографии присылает. И муж у нее нормальный, заботливый. Просто это чужая страна, что я там забыла?

– Но ведь страшно же здесь одной.

– Страшно? А чего страшно? Что плохо делается и помру?

Маша кивнула.

– Машенька, да мы ведь все когда-нибудь умрем. Так чего бояться-то? Я все дела сделала, нормально работала, дочь воспитала, первых двух внуков понянчила. Мне уже умирать не страшно. А потом я и не собираюсь. Теперь у меня дело есть – вам с Никой помочь. Да и Леша рядом, заходит ко мне каждый день, проверяет, жива ли?

Она засмеялась, и Маше тоже стало легче на душе. Оказывается, вот как легко можно относиться к смерти. Маша раньше думала, что все люди, и молодые и старые, до последнего цепляются за жизнь, боятся, а оказалось, что не все.

– А Лешиных родителей вы знали?

– Конечно. Отец его давно умер, лет пятнадцать уже. Хороший был мужик – не пьющий, работающий. Леша на него похож и внешне, и характером. А с мамой его мы дружили: в Москве не встречались, а здесь частенько чай вместе пили. Она немного не дожила до его освобождения. Я ее видела осенью. Смотрю – окна моет. Говорю ей: «Ты что это взялась мыть перед зимой? Делать нечего?», а она говорит: «Хочу последний раз на свой сад через чистые окна посмотреть». Очень сад свой любила. Лешу отпустили весной, но ее уже не было. Он приехал сюда, я ему письмо от нее отдала. Там было завещание, но не про деньги, а что где в саду посажено и как за этим ухаживать. Все предусмотрела.

– Грустно.

– Да, грустно. Не успел он с ней попрощаться, сильно из-за этого переживал.

Чай пили молча. Ника закончила читать и прибежала клянчить конфеты.

– Вера Степановна, мне в Москву нужно съездить, я там у подруги свои книги оставила, словари. Надо привезти сюда.

– Ну и поезжай. У Леши вечером спроси, он знает расписание поездов. А про Нику не беспокойся, присмотрю. Слушай, она этой осенью пойдет в школу?

– Этой.

– Ну, так удачно будет – ты на работу, она на учебу.

– Удачно будет, если возьмут меня.

– Конечно, возьмут, куда они денутся.

Пообщаться с глазу на глаз со Светой Маше в этот раз не удалось: вырваться с работы было нельзя, что-то очень срочное. Разговаривали пять минут по мобильному – вот и все общение.

Они были знакомы с первого класса и Света, которая была прирожденным командиром, сразу взяла над тихоней Машей шефство. Они жили в соседних дворах, вместе ходили в школу, вместе возвращались. И у той, и у другой матери работали, и девочки до вечера были предоставлены сами себе. Еще по дороге они решали, у кого они сегодня едят и делают уроки. Вернее, решала Светка, а Маша соглашалась, потому что подруга все всегда делила по справедливости – и еду, и уроки. Возражать не имело смысла. И институт они выбрали один и тот же – педагогический.

– А что, нормальный ВУЗ! Закончим – переводчиками в фирму пойдем. Там платят хорошо, – рассуждала Света, а Маша, как всегда, соглашалась.

Их пути разошлись только тогда, когда Маша на третьем курсе вышла (Светка сказала «выскочила») замуж. Но институт обе закончили, диплом получили и Света, как и планировала, нашла работу переводчика, а Маша села с Никой дома. Несмотря на то, что у каждой была своя жизнь, они не просто дружили, они были одной семьей. Тем более, что

Машина мать довольно рано умерла, и ближе Светки у нее никого не было. Подруга была в курсе всех Машиных дел и продолжала ее опекать. После того, что случилось с Валерой, потери квартиры и прочих неприятностей, они устроили семейный совет, на котором было решено, что нужно взять тайм-аут, но для этого нужно было уехать туда, где у Маши была хотя бы крыша над головой. Взять Машу с девочкой к себе Света не могла, жилплощадь не позволяла, да и мама ее постоянно болела, из дома практически не выходила. Все эти месяцы подруги ни разу не виделись, но регулярно перезванивались, так что Светка была в курсе того, что с Машей случилось и где они с дочкой живут.

– Машка! Это классно, что ты работу нашла. Тебе же это всегда нравилось.

– Да, но мне кажется, что я уже все забыла, – засомневалась Маша.

– Ерунда! Ты английский лучше меня всегда знала. Возьми учебники, все вспомнишь.

– Возьму, а твои конспекты по педагогике у тебя где?

– В столе лежат, тоже возьми, мне они без надобности, а тебе пригодятся.

– Ладно, найду. Ты как, вообще?

– Одним словом не ответишь. Долгий и неприятный разговор, да и не с работы.

– Какие-то неприятности по работе? – заволновалась Маша.

– Нет, на работе, пожалуй, единственно, где нормально.

– А что тогда? Ты здорова?

– Как бык, вернее, как ломовая лошадь. Машуня, не могу сейчас, это все без бутылки не расскажешь. Давай, я попробую как-нибудь к тебе приехать, если мать согласится одна на ночь остаться. Как там твой домовладелец, пустит еще одного постояльца на ночь?

– Конечно, приезжай, я тебя на свою кровать положу, а сама с Никой лягу. Поместимся.

– Ладно, созвонимся ближе к делу. Ты поешь там, не уезжай без обеда, когда еще доберешься до деревни. Найди все в холодильнике, там суп есть. И матери погрей, а то она сидит и до вечера ничего не ест, меня ждет.

– Ясно, все сделаю, товарищ командир!

– Вольно! Все, побежала я, целую.

Как и договаривались, Маша села в поезд и набрала номер Алексея, чтобы доложить, на каком поезде приезжает. Он еще утром сказал, что, возможно, будет работать в городе допоздна и прихватит ее на обратном пути.

Он встретил ее на вокзале. Ей совершенно не нужно было знать, что он уже четыре часа без дела сидел в кафе на привокзальной площади, пил совершенно невкусный кофе, но не мог допустить, чтобы она вечером болталась здесь в ожидании автобуса в компании всяких сомнительных личностей, а потом шла по поселку в темноте одна. Не женское

это дело, совсем не женское.

Поужинали и разошлись по своим комнатам. Когда через пару часов он выключил компьютер и перешел в спальню, то по квадрату света на земле от окна гостиной, он понял, что Маша еще работает, сидя под лампой и выписывая что-то из учебника. «Упорная» – подумал он. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы пробный урок в понедельник прошел хорошо.

Маша прекрасно понимала, что Иван Семенович будет проверять не то, насколько она знает язык, а то, способна ли она держать в узде около трех десятков пятиклассников, заставить их слушать себя, а не друг друга, как она будет справляться с каверзными «детскими» вопросами. Но подготовиться к этому было невозможно. Это, как говорится, только «вскрытие покажет».

Директор сказал, что предыдущая учительница уволилась месяц назад, английского не было, расписание сдвигали, на это время ставили другие предметы.

– Это я вам к тому говорю, чтобы вы понимали, что они уже привыкли, что урока по языку нет, не ждите, что они будут вам рады, всегда легче ничего не делать.

– Я не жду, я, вообще-то боюсь, – честно призналась Маша.

– Не думаю, что они вас съедят, но немного пожевать могут.

Хорошо, когда у начальства есть чувство юмора!

Войдя в класс, Иван Семенович обратился к притихшим ученикам со следующей речью:

– Дорогие пятиклассники, – сказал он. – Вот перед Вами стоит молодая учительница Мария Владимировна. Она будет преподавать вам английский.

Класс недовольно загудел.

– Я вижу, как вы все рады, и как ты, Стрижов, рад, вижу особенно. Хочу вас всех предупредить: от того, насколько Марина Владимировна справится с поставленной перед ней задачей, будет зависеть, возьму я ее на работу, или нет. А работа эта ей очень нужна. Поэтому, если вы будете бузить и мешать ей, то я буду считать вас подлецами, и вам будет очень трудно убедить меня в обратном. А теперь желаю вам всем приятно провести время. Они ваши, Марина Владимировна. Я сейчас пойду по делам, но буду к вам заходить, вы на меня не обращайтесь внимания.

После того, как за директором закрылась дверь, в классе воцарилась напряженная тишина. Тридцать пар глаз смотрели на Машу.

– Здравствуйте, ребята, – ее голос немножко дрожал, выдавая волнение. – У нас всего сорок минут, поэтому давайте поступим так. Вы зададите мне три любых вопроса, я на них честно отвечу, а потом мы начнем работать.

– А вопросы по-английски задавать? – шустрый мальчик с четвертой парты, который, видимо, и был Стрижовым, смотрел на Машу испытующе.

– Нет, можно по-русски, – сказала она, подумав, что, видимо, этот парнишка, – признанный лидер, альфа-самец, как принято теперь выражаться.

Класс загудел. Нужно было срочно прекратить это гудение.

– Ну, так как, родились вопросы? Do you have any questions? – повторила она по-английски.

– Вы откуда приехали? – естественно, Стрижов, кто же еще.

– Из Москвы.

– И что вы тут забыли? – это было уже похоже на вопрос.

– У меня убили мужа и мне пришлось переехать сюда.

– Круто! А как убили?

– Застрелили. Все. Три вопроса заданы, ответы вы получили. Если кто-то еще что-то хочет спросить, то давайте будем переводить вопросы на английский, и мои ответы тоже. А теперь, мне потребуется некоторая помощь. Я могу попросить тебя взять свой стул и сесть рядом со мной? – обратилась она к Стрижову.

Мальчик был явно удивлен, но встал, притащил стул и сел, оглядывая класс.

– Нам надо научиться задавать вопросы и давать на них ответы. Ну, например, вопрос «Ты кто?», «Who are you?». Давай, ты будешь задавать этот вопрос своим одноклассникам, а они будут тебе отвечать. А я буду записывать, так как я с вами еще не знакома. Но для начала можешь этот вопрос задать мне.

Эта игра Стрижову явно понравилась, глаза заблестели, заулыбался.

– «Who are you?»

– My name is Mariya, Mariya Vladimirovna. I am your

teacher. – Маша написала это на доске и посмотрела на Стрижова, взглядом приглашая его продолжать.

Стрижов вжился в роль учителя, и с его помощью Маша довольно быстро познакомилась с учениками, отметила их в журнале и постаралась запомнить в лицо. Кого-то не было, Маша по-английски спросила, где отсутствующие, получила ответ. Ребята записали и этот вопрос. Дальше они подсказывали ей по-русски простые вопросы, она их переводила, записывала на доске, рассказывала, как правильно на такие вопросы отвечать. Пару раз в класс заглядывал Иван Семенович и, убедившись, что все тихо, исчезал. Когда прозвенел звонок, Маша сказала всем «Thank you very much for the really good work!» «Большое всем спасибо за хорошую работу», а Стрижову «And you for your help» «А тебе спасибо за помощь!».

– Не за что, – заулыбался мальчик.

Похоже, что пробный урок она не провалила.

В течение декабря Маша провела еще несколько таких уроков в разных классах. Договорились, что после Нового года она выйдет на постоянную работу. Приезжая в город, она с удовольствием бродила по его улицам. Это, конечно, была не Москва с ее шумными улицами, огромными торговыми центрами, театрами и выставками, но город был вполне симпатичный, чистый.

Старый центр с Кремлем и большим количеством церквей, несколько музеев старого купеческого быта привлекали туристов, благо дорога от Москвы занимала всего около двух часов. Было много кафе и магазинов, но при этом не было московской суеты. Казалось, что здесь люди меньше спешили, были более расслабленными. Город стоял на слиянии двух рек — много воды, набережные. Зелени Маша еще не видела — не сезон, но парки были, оставалось подождать каких-нибудь 5—6 месяцев, и все здесь будет зеленым. Был большой, современный, совершенно шикарный стадион, по городу кроме автобусов ходили трамваи, раскрашенные в яркие цвета. Словом, нормальный город, вполне можно жить. Дорога от дома до города занимала у нее тридцать пять — сорок минут автобусом, но автобусы ходили довольно часто. Можно было сказать, что совсем неплохое место для жизни, особенно если работа есть.

Новый год встречали тихо и по-семейному. Пришла Вера Степановна, принесла салат Оливье (куда же без него!), жареных пирожков, Маша испекла торт, приготовила мясо. Алексей принес елку, электрическую гирлянду и набор игрушек. Они с Никой нарядили эту елку в гостиной, там же накрыли стол. Приятно посидели, даже Нике разрешили не ложиться вовремя. Телевизора в гостиной не было, поэтому, чтобы не пропустить полночь, включили на мобильном будильник. Когда он просигналил, выпили за Новый год. Ника уже спала, Вера Степановна тоже довольно быстро ушла, сказав, что хочет посмотреть праздничный концерт. Маша думала, что Алексей тоже пойдет к себе, но он налил себе еще чаю, взял второй кусок торта.

Горела елка, в печи догорали подброшенные дрова. Маша смотрела на них через стеклянную дверцу, на ее лице то вспыхивали, то гасли отражения разноцветных лампочек елочной гирлянды.

– Грустите?

Вопрос Алексей как будто вернул ее из какого-то другого мира.

– Да нет, просто думаю. Странно как-то получается. Год назад в это время мы с друзьями Валеры с балкона петарды запускали, соседи чуть полицию не вызвали. Пили, веселились. Теперь нет никого, ни Валеры, ни приятелей его. После его смерти ни один даже не позвонил.

– Тоскуете по нему?

Она кивнула.

– Да, скучаю. Он был хороший.

Она замолчала, Алексей тоже не знал, что сказать.

– Ничего, все нормально. В Новом году действительно начнется новая жизнь, работать буду. Я даже смогу вам платить за проживание.

– Не надо! Ну, не надо платить!

Он сказал это так горько, выглядел таким расстроенным, что Маша даже растерялась. Алексей встал, взял со стола пачку сигарет и вышел из комнаты, не сказав больше ни слова. Она услышала, как хлопнула входная дверь – вышел на улицу курить.

Что она не так сделала? Почему он опять обиделся?

Маша накинула на плечи дубленку и вышла на улицу вслед за Алексеем. Он стоял на крыльце в одной рубашке и делал одну затяжку за другой, держа сигарету большим и указательным пальцами.

– Алексей, я понимаю, что чем-то вас расстроила, но не понимаю, чем.

– Господи, я люблю вас, а вы все про деньги!

Ну вот, он сказал это, хотя сам не понял, зачем. У них только начали налаживаться отношения, они стали разговаривать друг с другом, а он все испортил. Он стоял к ней спиной, смотрел на луну, частично вышедшую из-за туч, и думал, что нужно повернуться, посмотреть ей в глаза, изви-

ниться, вернуть обратно все сказанное и попытаться жить дальше.

– Повтори еще раз, – он скорее догадался, чем услышал то, что она сказала.

– Что?

– Повтори еще раз! – сказала она уже более громко и уверенно. – Потому, что я тоже тебя люблю.

Была ночь, снег был голубоватым от лунного света, он, пытаясь поделиться своим теплом, держал в объятиях женщину, которая только что сказала, что любит его. Было ужасно холодно, очень страшно. Было прекрасно!

После первой же ночи, проведенной вместе, Алексей сделал Маше предложение, хотя романтическим его, пожалуй, назвать было сложно.

– Ты понимаешь, что я очень хочу, чтобы ты стала моей женой, но прошу, чтобы ты хорошенько подумала, прежде чем примешь решение. Надо, чтобы ты понимала, что я никуда отсюда не уеду – здесь мой дом. Захочешь – он будет твоим и Никиным. Но если это тебя не устраивает, то я тоже пойму и не буду обижаться. Поэтому ничего сейчас не говори, просто подумай.

– Хорошо, я подумаю, – ответила она.

Больше к этому разговору они не возвращались. Жили вместе, спали вместе, гуляли вместе, ездили в город на его машине, вообще старались не расставаться. Если он что-то делал, мастерил, она тихо садилась рядом и просто смотрела, ничего не говоря. Он поднимал на нее глаза, они встречались взглядом, и все без слов было понятно. Проходя мимо нее на кухне, обнимал за талию и вдыхал запах ее волос. Минута счастья, и можно опять идти работать!

Весна еще не наступила, но заметно потеплело и посветлело. Снег был влажный, на дороге стояла снежная жижа, которая ночью замерзала, а днем таяла, открывая землю,

пропитанную водой. Ходить без сапог было невозможно, да и в сапогах не слишком приятно – скользко, грязно. В году было два месяца, которые Алексей не любил – ноябрь и март. Именно тогда он тосковал по асфальтированным улицам городов: вышел из дома в кожаной обуви и без проблем добрался до работы, в худшем случае с мокрыми ногами, но приличный, а не грязный по колено. Если он не вез Машу на работу, то она выходила в резиновых сапогах, без которых нельзя было пройти по их улице, выходила на главную дорогу поселка, мощенную плитами, по ней доходила до дороги, где была автобусная остановка, и только там переобувалась в нормальную городскую обувь.

У Алексея сжималось сердце, когда он смотрел, как она пробирается между лужами. «Не место такой молодой и красивой женщине в деревне» – думал он. Но Маша не только не роптала, она, казалось, была совершенно довольна такой жизнью. Места, правда, вокруг были красивые – поселок стоял в подкове леса, отделенный от него полем. Тепло одевшись, они выходили погулять, шли по тропинке до леса, а оттуда до озера было рукой подать. Ника с Вулканом бежали впереди, дорога была им хорошо знакома.

Маша с Алексеем шли, взявшись за руки, и разговаривали про все, что видели, и вообще про жизнь. Им еще нужно было так много рассказать друг другу. Он рассказывал ей про учебу, про работу в лаборатории, про маму, с которой был очень близок, про Сашу с Катей, своих единственных

друзей. Даже на вопросы о жене отвечал, хотя и довольно односложно. Только про колонию он ей никогда ничего не рассказывал, полностью вычеркнув этот кусок из своей жизни, и она, почувствовав это, никогда его не спрашивала.

Он же теперь хорошо представлял ее прошлую жизнь и внутренне удивлялся, насколько мало романтики было в ее отношениях с мужем. Это можно было назвать дружбой, даже деловым контрактом, где одна сторона отвечает за денежное обеспечение, вторая – за решение бытовых вопросов. Спокойно, удобно и очень скучно. Теперь Алексей понимал, почему он никогда раньше не видел Машу в той компании, которая приезжала с Валерой на шашлыки – это просто были люди из другой его жизни, не пересекающиеся никак с его так называемой семейной. Глядя на нее, он никак не мог взять в толк, как можно было не влюбиться в нее, зачем ее мужу нужны были другие девицы. Маша же к изменам мужа относилась философски, она вообще не считала это изменой, так как они сразу договорились, что каждый имеет право на определенную свободу. Другой вопрос, что она этой свободой так ни разу и не воспользовалась – не было ни желания, ни возможности, так как на руках был маленький ребенок. Поэтому то, что теперь происходило между ней и Алексеем, было ей совершенно внове, и она наслаждалась этим чувством.

Когда он вошел в кухню, то увидел, что она, задумавшись,

стоит у окна.

– Послушай, – сказала она, когда услышала его шаги, – а что здесь делает этот никому не нужный забор?

Она пальцем показала на деревянную ограду, разделявшую их участки.

– Хочешь сказать, что он не нужен? – Алексей затаил дыхание в ожидании ответа.

– Думаю, что пришло время его убрать, – Машин голос звучал решительно. – Считай, что эти восемь соток – мое приданое.

– Как скажешь, жена, – он привлек ее к себе, заглянул в глаза. – Уверена?

– Совершенно.

Свадьба была очень скромной: были только Вера Степановна и Света, вырвавшаяся, наконец, из Москвы на два дня. Она жила с мамой, которая была больна какой-то странной болезнью, больше душевной, чем физической, но ей от этого было не легче: мама не отпускала ее от себя ни на шаг, и, стоило Свете задержаться с работы хотя бы на пол часа, устраивала истерики и сердечные приступы, заканчивающиеся вызовом скорой. Света маму любила и жалела, но ситуация становилась уже критической, не предполагающей вообще никакой личной жизни.

– Не могу я так больше, Маш, ведь мне уже двадцать девять, а у меня нет ни мужа, ни ребенка, а при такой жизни и не будет никогда. Ты представляешь, я со своим последним кавалером даже ни разу не встречалась после работы, только в рабочее время. Ему это, правда, тоже было удобно, у него жена, ребенок, но мне-то каково? Короткий переписхон в обеденный перерыв по-быстрому – вот и вся любовь!

– Кошмар какой-то! А поговорить с ней? Она же все-таки нормальный человек.

– Теоретически – нормальный, а практически – хватается за сердце, а ты себя убийцей ощущаешь – мать до смерти доводишь. Я тут имела с ней крутой разговор. Говорю – хочу ребенка завести, а ты, если опять начнешь помирать, то я

даже «скорую» вызывать не буду, помирай на здоровье!

– А она что?

– На редкость спокойно сказала, что против ребенка ничего не имеет, что давно о внуках мечтает. Представляешь? Хоть стой, хоть падай! То есть мужа – ни-ни, а ребенка в подоле принести – всегда пожалуйста!

– Ну, а ты что?

– Вот и думаю, что ждать больше нельзя, нужно ребенка завести, пока не поздно.

– Ты серьезно?

– Серьезней некуда. Только одна маленькая загвоздка – не от кого!

– А этот твой последний?

– А сгинул уже, что от меня радости? Другую нашел. Да и не хочу я ребенка заводить от этого уродя. А на искусственное оплодотворение денег куча нужна, а с этим, как ты знаешь, у меня не густо. Прямо хоть давай объявление в Интернете «Ищу отца для своего ребенка», нет, вернее, не так: «Ищу быка-производителя», а дальше перечисление параметров, ну там рост, масть, IQ.

– Что, прямо так все безнадежно?

– Совершенный голяк! На работе одни бабы, пара мужиков, которые уже имеют и жен и любовниц, ты же знаешь, что мужики теперь на вес золота. Да и принцип у меня – не путать работу с личной жизнью. А где я, кроме работы, бываю? Нет, ну скажи, где?

– Да, тупик.

– Вот и я говорю – тупик.

– Это вы про что? – заинтересовался Алексей, вошедший на кухню. Он был в темном костюме, светлой рубашке, уже без галстука: не муж – картинка!

– Во, вот такой мне подойдет – сказала Светка.

– Для чего я тебе подойду? – не понял Алексей, или сделал вид, что не понял.

– Вот, Лешенька, для этого самого. У тебя нет, случаем, брата-близнеца? Я бы его осчастливила, а он бы мне ребеночка сделал.

– Прости, Свет, нету, мне очень жаль. Я бы себя предложил, но не могу, я сегодня женился, теперь ограниченно годный.

Все захохотали.

– У меня только есть парнишка, напарник мой, Витек. Очень хороший парень, и красивый, вот Маша видела.

Маша кивнула. Витю она знала, он как-то приходил к ним, когда Алексею нужно было что-то сделать по дому, и требовалась вторая пара мужских крепких рук. Парень был совсем молодой, года двадцать два, из местных. Леша рассказывал, что тот живет с матерью, которая стала инвалидом после того, как под машину попала несколько лет назад. Она сильно хромала, ходила с костылем, правда по дому все старалась делать сама. Но Витя должен был продукты закупить, мусор вынести – пятый этаж без лифта и без мусоропровода, да

и другую тяжелую работу по дому сделать. Надолго не отлучишься. А если к врачу надо, так он мать практически на руках с этого пятого этажа выносил на зависть соседкам. То есть ситуация у него была похожей на Светкину, и девушки у него не было. Кому из нынешних молодых нужен такой муж с обременением в виде матери-инвалида? Нет таких дур.

– Давай своего напарника, – решительно сказала Света. – Леш, я не шучу – давай, звони ему, а то, когда меня мать еще на ночь отпустит.

Алексей посерьезнел и внимательно посмотрел на подругу жены. Она ему сразу понравилась, как только они познакомились. В ней чувствовался характер, да и как мог не понравится ему человек, который искренне любил его любимую женщину? То, что сейчас от него требовала Света, уже переставало быть шуточками и трепом, а перерастало в настоящую человеческую драму.

Он представил, как звонит Витьку и говорит, что у него тут сидит симпатичная женщина на семь лет его старше, которой очень нужен ребенок. Не может ли он прийти и сделать это для нее? А может, у Витька и вообще еще девушки не было. Как он отреагирует на такое предложение? Скорее всего, решит, что Алексей перепил на своей свадьбе и несет чушь собачью, а может еще и прикалывается. И правильно подумает, потому что так такие дела не делаются. Мужчины ведь тоже нужно какое-то чувство, какие-то эмоции, что-

бы все состоялось, иначе может и не получиться. А потом, как будет жить Витек, зная, что где-то растет его ребенок? Как бы он, Алексей жил? Нет, тут надо как следует все продумать, переговорить, подготовить.

– Свет, я понял, что ты серьезно, но давай отложим это до твоего следующего приезда, я пока переговорю с Виктором, подготовлю его. Идет? Ты не обижайся, я действительно хочу тебе помочь, только давай не будем делать это так – не по-людски.

– Ладно, я еще приеду, – согласилась Света. – Мне у вас тут нравится, вот будет тепло, так можно в Машином доме остановиться, вам тут не отсвечивать.

– Что ты глупости говоришь! – возмутилась Маша. – Кому ты тут отсвечиваешь?

– Знаешь, для того дела, которое мы задумали, нужна соответствующая обстановка, ну свечи там, вино, а не дети и собаки, болтающиеся под ногами.

Что-что, а жизнь Светка знала.

Алексей понял, что все правильно решил, когда не стал вот так с бухты-барахты звонить своему напарнику. Витек был парень скромный, серьезный и, выслушав предложение встретиться с совершенно незнакомой женщиной, естественно, его отверг.

– Слушай, дядя Леша, – он был на двенадцать лет младше Алексея и звал его уважительно, – ты же знаешь, что я не по этой части. И вообще, почему я? Что, других мужиков не нашлось?

– Витек, может и дико звучит, но среди известных мне мужиков – ты самый лучший.

– Ну, ты и скажешь! – засмутился Виктор.

– Я тебе серьезно говорю. Ты оглядись по сторонам – одни выпивохи и прохвосты. А для этого дела нужен нормальный человек, не пьющий, не глупый, не подлый. Я здесь больше таких и не знаю: только ты и я. Я не могу, она подруга моей жены. Остаешься ты.

Виктор задумался. В словах Алексея, конечно, был смысл: мужики вокруг были не первый сорт. Но уж больно это предложение было странным. Не то, чтобы он имел что-то против женщин, вовсе нет. Но спать с совершенно незнакомой, причем старше себя. Не очень ему это было по душе. С другой стороны, он знал Машу, она была молодая и красивая,

правилась ему, с ней бы он мог, если нужно. Если ее подруга на нее похожа, то почему не сделать женщине приятное?

– А что, она в своей Москве найти себе для этого мужика не может? Может, там не все пьющие?

– Знаешь, если бы могла, то, наверно, не просила бы меня, как ты думаешь?

– Наверно. Ладно, я подумаю. А она как, вообще, ничего? Не очень страшная?

– Очень даже нормальная женщина, – сказал, улыбаясь, Алексей, вспомнив статную фигуру Светки, ее заразительный смех. – Я думаю, что тебе она понравится. Во всяком случае, лучше, чем местные продавщицы.

– Ладно, – буркнул Виктор, и до конца рабочего дня к этому вопросу больше не возвращался.

«Лед тронулся», думал Алексей, наблюдая за тем, как парень задумчиво вкручивает шурупы. Ему Витек нравился – добрый, работающий. Жалко было, что через несколько лет он станет таким же, как все тут – ничем, кроме баб, не интересующимся и крепко пьющим, если не женится, или нормальным, тоже выпивающим, подкаблучником, которому нужно вкалывать с утра до ночи, чтобы содержать все увеличивающуюся семью – если женится.

После работы Виктор не стал торопиться уходить, дождался, когда Алексей завершит свои дела, сложит инструмент, вымоет руки.

– Ну, так что ты от меня хочешь? – спросил он, не глядя

старшему приятелю в глаза.

– Ты в Москву когда собираешься?

– Да вообще-то и не собирался, но, если надо, то съезжу. Вот в субботу или в воскресенье.

– Сейчас я Свете позвоню, спрошу, когда ей удобно. Встретитесь, познакомитесь, кофе где-нибудь попьете. Не понравитесь друг другу – ну и до свидания, а понравитесь, то и дальше договоритесь сами. Идет?

Виктор кивнул. Леша набрал номер, условился, где они могут встретиться, объяснил парню, как туда доехать. Все, роль купидона была выполнена, дальше уже сами разберутся, не маленькие.

Света зашла в кафе, опоздав минут на пять. В принципе, она не любила опаздывать, но мать перед ее уходом устроила настоящий допрос: куда это она собралась, с кем встречается, когда вернется. Нужно было придумать правдоподобную версию, чтобы та не разнервничалась, не устроила очередной приступ, а то и вовсе никуда не уйдешь. За столиками сидело несколько парочек, и только за одним – молодой человек в легкой куртке. Вдохнув побольше воздуха, как перед прыжком в воду, она направилась к его столику.

– Здравствуйте, вы Виктор?

– Да, – парень встал, оказавшись на целую голову ее выше, хотя она была совсем не Дюймовочка.

Он немного колебался, здороваться с ней за руку или

нет. Она помогла ему, протянув свою для приветствия.

– Я Света. Мне про вас Алексей много хорошего рассказывал. Только не сказал, что вы такой молодой.

– Не подхожу? – парень покраснел.

– Ну что Вы, конечно, подходите, просто я рядом с Вами чувствую себя древней старухой.

– Ну, какая же вы старуха, вы... красивая! – глаза были абсолютно честные, это была не лесть, а констатация.

– Спасибо, – она села напротив, не зная, что еще сказать. Он тоже смущенно молчал. Дурацкая ситуация. Света понимала, что она ее заварила, ей и расхлебывать, но не представляла, что сейчас нужно делать.

– Виктор, давайте выпьем по чашечке кофе и пойдем на воздух. Я как-то лучше думаю и говорю, когда двигаюсь. Вы ведь не очень торопитесь?

– Нет, конечно, нет. Ну, то есть, не тороплюсь, – перед ним была красивая взрослая женщина, с образованием, и он сильно смущался.

Света пила кофе и думала, что она идиотка и стерва. Не нужно было ставить этого мальчика в такое дурацкое положение. Ну, какое ему дело до ее проблем, у него и своих, наверняка хватает! А парень хороший, славный, симпатичный, несовременный какой-то, руки крупные, с мозолями, настоящие мужские руки. Она терпеть не могла мужчин с холеными наманикюренными руками, их слабое прикосновение при знакомстве, как будто человек не решил, то ли зна-

комиться, то ли спрятать руку за спину. Она любила крепкое рукопожатие, открытые взаимоотношения, сама всегда говорила то, что думает, даже частенько в ущерб себе и своей карьере.

Виктор украдкой поднимал на нее глаза. Хорошее у нее лицо, совсем не старая, волосы не крашены, с легкой натуральной рыжиной, брови такие же. Странно, что у такой красивой женщины нет мужа или хотя бы постоянного любовника. Может быть, чуть полноватая, но ее это не портит. Спросить про мужа? Нет, наверно, не стоит. Расстроится. Мать его ребенка. Наверно, тоже рыжим будет. А, может, на него будет похож?

Вышли на улицу и пошли в сквер неподалеку. Света вела его уверенно, видимо, хорошо знала этот район.

– Виктор, давайте поговорим, – наконец, решительно повернувшись к нему, сказала она. – Если вам неприятна эта затея, то я совершенно не обижусь, можете уехать и больше не позвонить мне.

– Да нет, нормально. Мне Алексей рассказал ситуацию, я не против помочь. Я только не знаю, как и где это сделать. У меня жилплощади нет, я с мамой живу.

– У меня тоже нет, – созналась Света, – я тоже с мамой.

Это прозвучало так по-детски, что они оба засмеялись, оценив комичность момента. Стало как-то проще. Они перешли к обсуждению деталей предстоящей операции – когда это лучше сделать по срокам, снять ли гостиницу или ждать,

когда Леша с Машей откроют и приберут старый Машин дом. Решили, что можно начать и с гостиницы, тем более что, возможно, придется встретиться не один раз. Он сказал, что у них в городе тоже есть гостиницы нормальные, и даже дешевле, чем в Москве. Нет, он, конечно, готов и сюда приехать, ему не сложно. Она сказала, что можно и там, только у нее мама, которая ее никуда не отпускает, психоз у нее такой, но она, Света, что-нибудь придумает. А он сказал, что это понимает, потому что его мама тоже больна, перелома-на вся после аварии, из дому не выходит, потому что не может спускаться по лестнице, а лифта нет. Они шли по парку и болтали, как старые знакомые. Хорошо пообщались.

«Господи, какой же хороший мальчик!» – думала Света, расставшись с Виктором у метро и договорившись о следующей встрече. – «Я думала, что таких уже не бывает».

А он тоже думал, что с удовольствием встретится с ней еще, что она хорошая, только, как птица, запертая в клетке, не свободная. Думал, что ей очень идут рыжие волосы, особенно когда свои, потому что женщин, крашенных в рыжий цвет, он не очень любил, а вот этой хорошо, наверно, потому что брови рыжие. Еще думал, что хорошо будет пройтись с ней по их городу, и пусть знакомые увидят и позавидуют, потому, что таких красивых у них в городе не водится. А то дразнят его «красной девицей» за то, что он не пьет, не курит и никогда про женщин не болтает. Пусть теперь посмотрят!

В течение мая они пару раз встречались в Москве. Сознавались заранее, ехали в гостиницу, занимались любовью, а потом просто лежали и разговаривали. Такого Света совсем не планировала, думала, что все будет по принципу «сделал дело – слезай с тела», но оказалось, что лежать рядом с ним расслабленной и удовлетворенной, и слушать его рассказы про его маму, приятелей, про город, в котором он родился и всегда жил, про армию, про работу очень даже приятно и интересно.

Парень был неглупый, начитанный, спасибо его маме, которая и в библиотеку в детстве водила, и в разные секции спортивные. «Видимо очень хорошая женщина, – думала Света, – если смогла воспитать такого нормального сына». На вопрос про отца Виктор ответил, что практически его не помнит – тот ушел из семьи, когда мальчику было пять или шесть, и больше не появлялся. Ей было интересно, как женщине, которая работала в поликлинике медсестрой, получала гроши, осталась без мужа, удалось не погрязнуть в своих проблемах, а найти и время и любовь для мальчика, вырастить доброго и надежного человека. Ей ведь тоже предстояло воспитывать своего ребенка одной. Возможно, только сейчас до нее начинало доходить, что ей придется не только кормить и гулять, но и выслушивать, отвечать на вопро-

сы, разбираться с обидчиками, прививать вкус, учить ответственности. От этих мыслей становилось страшно. Виктор сразу почувствовал эту перемену ее настроения и начал испытывать, что не так.

– Да все так, просто я вдруг подумала, а что, если я буду плохой матерью?

– Почему? – не понял он.

– Ну, не справлюсь, буду злиться, ругать его, а он будет злиться на меня и ненавидеть, за то, что я его не понимаю.

– Не знаю, я на свою никогда не злился, хотя она меня иногда ругала, – честно сказал он. – Она поругается, поругается, а потом подойдет и в макушку – чмок! Я ведь понимал – она же не со зла. Просто я дурной был, то штаны новые порву, то с мальчишками купаться уйду, ей не сказав, а она меня по всему городу разыскивает. Один раз даже в милицию забрали – мы с пацанами по стройке лазили, а охрана наряд вызвала. Нас потом родителям под расписку выдавали.

Хорошие были разговоры, полезные. Только оказалось, что про себя ей почти нечего и рассказать. Что толку, что в Москве живет, театры и кино на каждом углу. Нигде не бывает, ничего, кроме работы, не видит. Крутится, как белка в колесе, дом – работа – опять дом. Вот и весь интерес. И нельзя даже все валить на мать. Она, конечно, внесла свою лепту в это беличье колесо, но ведь Света даже и не пыталась вырваться из этого круговорота, просто жила так и жалела себя. И только сейчас это поняла.

В конце мая Маша получила от подруги смс-ку «Готовь дом к приезду гостей». Ни Маша, ни Алексей не знали, состоялась ли встреча их друзей: Виктор скромно молчал, Света тоже была, как партизан. Значит, все-таки состоялась. Маша вошла в дом и молча показала смс-ку мужу.

– Та-а-а-к! Нормально! Пошли, посмотрим, что можно сделать с этим твоим жильем, – предложил он.

Кроме предполагаемого визита Светы с Виктором, намечались еще одни гости – летом возвращались из Японии Саша с Катей и мальчишками. Таковую ораву в доме не разместить, так что гостевой дом был для них не роскошью, а необходимостью.

С того самого первого злополучного дня Маша там ни разу не была – не было ни потребности, ни желания. Она смутно помнила темные комнаты, забитые мебелью, и холод, пробирающий до костей. Больше ничего вспоминать не хотелось.

Дом был небольшой, одноэтажный, обшит вагонкой, покрашен краской, которая когда-то была желтой, а сейчас облупилась, и под ней открывались серые доски. Не то, чтобы дом смотрелся безобразно, он стоял ровно, трещин в фундаменте не было, но косметического ремонта требовал. Алексей обошел его со всех сторон, что-то померил, записал в блокнот, посчитал количество окон.

– Обновить краску, покрасить окна и дверь – дело пары

дней, если делать вместе с Виктором. Надо внутри посмотреть, нет ли протечек?

Протечек не было – строители, ставившие этот домик двадцать пять лет назад, поработали честно, материал использовали качественный. Внутри дом был заставлен мебелью, как склад. Маша узнала стенку из квартиры ее матери, которая стояла посреди большой комнаты так, что пройти в маленькие было сложно – двери до конца не открывались.

– Вот не понимаю я, зачем везти мебель за сто километров, если можно просто выбросить, – сказал Алексей. – Ведь не собирался же он ее никак использовать, так какого черта пер ее сюда?

Маша только плечами пожала. Действительно, стенка, которая была вполне уместна в их панельной двушке, здесь смотрелась бы дико даже если бы стояла на своих местах: – совершенно чужеродный стиль, да и ценности в этих шкафах из ДСП не было никакой. Они смогли все-таки пробраться сначала в одну небольшую спальню, потом в другую. Кровати там были вполне нормальные, все необходимые изменения касались только дизайнерских мелочей. В большой комнате стол со стульями тоже был, но кроме них там были еще какие-то продавленные кресла, деревянный буфет без одной дверцы, какие-то этажерки, люстры. Было ощущение, что кто-то специально ходил по помойкам, собирал старый хлам и складывал его в это комнате.

– Я завтра закажу контейнер, вывезем все это барахло

на помойку, тогда откроется фронт работ. Пока вообще ничего не понятно, – сказал Алексей. – Пошли отсюда, тебе здесь пока делать нечего.

На расчистку авгиевых конюшен ушла неделя, потом еще три дня на обновление фасада. Словом, к началу июня мужчины свои работы закончили, Маша сделала уборку и повесила новые занавески, которые удачно купила на распродаже, положила яркое постельное белье. Вышло вполне славно, хотя и с туалетом во дворе, но это уж не взыщите – полстраны так живет.

Практически весь июнь Света каждый выходной приезжала к Маше. Мать сначала ворчала, устраивала сцены, но когда узнала, что дочь ездит помогать Маше, потому что та беременна и плохо себя чувствует, успокоилась. Маша действительно была беременна, но чувствовала себя прекрасно. Это была отличная отмазка, позволяющая Свете проводить на свободе все выходные в компании друзей. Мама звонила ей на мобильный, просила дать трубку Маше, долго расспрашивала ту о здоровье, и все – алиби было обеспечено. Они все ходили купаться на озеро, жарили шашлыки, звали Веру Степановну в гости, словом, прекрасно проводили время. И с пользой, потому что в июле беременной была уже не только Маша, но и Света.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.